

ИНСТИТУТ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

**Вера Николаевна Фигнер
Александра Ивановна Соколова
Глафира Ивановна Ржевская
Елизавета Николаевна Водовозова
Татьяна Григорьевна Морозова
Анна Владимировна Стерлигова
Институт благородных
девиц (сборник)
Серия «Как жили
женщины разных эпох»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17501934

Институт благородных девиц: Алгоритм; М.; 2016

ISBN 978-5-906842-26-8

Аннотация

Смольный институт благородных девиц был основан по указу императрицы Екатерины II, чтобы «... дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Спустя годы такие учебные заведения стали появляться по всей стране. Не счесть романов и

фильмов, повествующих о курсистках. Воспитанницы институтов благородных девиц не раз оказывались главными героинями величайших литературных произведений. Им посвящали стихи, их похищали гусары. Но как же все было на самом деле? Чем жили юные барышни XVIII–XIX веков? Действовал ли знаменитый закон о том, что после тура вальса порядочный кавалер обязан жениться? Лучше всего об этом могут рассказать сами благородные девицы. В этой книге собраны самые интересные воспоминания институток. Быт и нравы, дортуары, инспектрисы, классные дамы, тайны, интриги и, конечно, любовные истории – обо всем этом читайте в книге «Институт благородных девиц».

Содержание

Глафира Ивановна Ржевская	6
Памятные записки	8
Вступление[1]	8
Одиннадцатилетнее пребывание мое в Смольном монастыре	12
Об отношениях моих ко двору	50
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Глафира Ржевская,
Анна Стерлигова,
Елизавета Водовозова и др
Институт
благородных девиц**

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Глафира Ивановна Ржевская (1759–1826)

Ржевская Глафира Ивановна (урожд. Алымова, во 2-м браке Маскле; 1759–1826) – «первая смолянка», была лучшей в первом выпуске Воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре (впоследствии Смольного института). Поступила в 1764 г., выпущена с золотой медалью первой величины и золотым шифром в 1776 г. Пользовалась особой любовью и покровительством Екатерины II, фрейлиной которой стала сразу после выпуска. Считалась одной из лучших арфисток своего времени; с арфой изображена и на известном портрете кисти Д.Г. Левицкого (Русский музей).

Первым браком (с 1777 г.) была за А.А. Ржевским (1737–1804), от которого имела троих сыновей и дочь. В 1780 г. Г.Р. Державин посвятил супругам Ржевским оду «Счастливое семейство». Во втором браке Г.И. Ржевская была за И.П. Маскле. Скончалась в Москве, похоронена на Ваганьковском кладбище.

«Памятные записки» были написаны в начале XIX в. на французском языке.

Для публикации в «Русском архиве» (1871. Кн. 1. Вып. 1), использованной в настоящем издании, были переведены

на русский язык правнучкой Г.И. Ржевской, дочерью известного декабриста П.Н. Свистунова – Магдалиной Петровной Свистуновой (1848–?) и сокращены.

В примечаниях использованы комментарии П.И. Бартенева к первой публикации.

Памятные записки

Избранные главы

Вступление¹

Нерадостно было встречено мое появление на свет. Дитя, родившееся по смерти отца², я вступала в жизнь с зловещими предзнаменованиями ожидавшей меня несчастной участи. Огорченная мать³ не могла выносить присутствия своего бедного девятнадцатого ребенка и удалила с глаз мою колыбель, – а отцовская нежность не могла отвечать на мои первые крики. О моем рождении, грустном происшествии, запрещено было разглашать. Добрая монахиня взяла меня под свое покровительство и была моею восприемницею. Меня крестили как бы украдкой. По прошествии года с трудом уговорили мать взглянуть на меня. Она обняла меня в при-

---

¹ Предваряя публикацию, Бартенев сообщал, что рукопись записок сохранилась в Калуге у Варвары Александровны Зыбиной (воспитанницы Г.И. Ржевской) и была предоставлена в редакцию «Русского архива» внуком мемуаристки П.Н. Свистуновым. По словам Бартенева, Ржевская «в понятиях своих и суждениях, в образе мыслей и действий <...> представляет собой замечательный тип так называемой «монастырки» доброго старого времени».

² Отец Г.И. Ржевской – Иван Акинфиевич Алымов (? – 1759), отставной полковник лейб-гвардии Конного полка.

³ Мать Г.И. Ржевской – Анна Васильевна Алымова.

сутствии родных и друзей, собравшихся для этого важного случая. День этого события был днем горести и слез. Отец благословил меня еще до моего рождения и завещал дать мне имя, которое я ношу. Это обстоятельство часто служило мне утешением среди горестного моего сиротства. Мне постоянно твердили о нерасположении ко мне матери моей. Пока я жила возле нее, я нисколько этого не замечала и не страдала от этого: напротив, хотя я была ребенок, но видела, что строгость, которой придерживались в отношении к моим братьям и сестрам, не простиралась на меня; причины этого я не понимала. Я нисколько не боялась матери, но всячески старалась ей угодить. Она меня ласкала не более других детей, но чаще улыбалась мне и всегда со слезами на глазах. Когда, семи лет, меня разлучили с нею, чтобы поместить в Смольный монастырь, я начала огорчаться всем, что приходилось мне слышать до этой поры. Чувствительность моя развилась при виде ласк, которыми осыпали родители моих подруг. Из пятидесяти девушек я была почти единственная, не видевшая родительской нежности. Некоторого рода обожание, предметом которого служила я для всех окружающих, не могло заменить чувства, недостававшего для моего счастья. Я имела повод сомневаться в любви моей матери. Наконец, через семь лет, дождалась я желаемого свидания с нею. В минуту доброта ее изгладила все внешние впечатления, а доверие ее развернуло передо мной трогательную картину добродетели, борющейся с несчастьем. Горе моей

матери еще сильнее привязало меня к ней; я дрожала при виде страданий, исказивших ее благородные черты. Степенный вид ее внушал почтение, придавая вес ее речам, из которых почерпнула я познание священных обязанностей супругов, родителей и детей; вся жизнь ее была образцом самого совершенного исполнения правил евангельских. Ее советы глубоко укоренились в моем сердце. Смотря на нее и слушая ее, я не переставала оплакивать несчастную судьбу, которая так долго удаляла меня от нее и скоро должна была разлучить нас навеки. Я вскоре имела несчастье лишиться ее.

Портрет Г. И. Алымовой.
Художник Д. Г. Левицкий. 1776 г.

Глафира Ивановна Алымова, в первом браке Ржевская (1758—1826) – фрейлина Екатерины II, одна из первых арфисток. Входила в первый выпуск института 1776 года, закончила воспитание «первою» и была награждена золотой медалью первой величины и «знаком отмены» – золотым вензелем Екатерины на белой ленте с 3 золотыми полосками

Чувство мое к матери, слабое вначале и как бы призрачное под конец, искусственно мной поддерживаемое, без поощрения исчезло в течение трех месяцев.

Я не знала других моих родных, у меня осталось пять братьев и семь сестер; из них всех один Д[митрий] был моим другом до конца жизни. Нежность его ко мне доходила до слабости: он только возле меня был счастлив.

Теперь бы следовало поговорить о муже и детях, на которых сосредоточились мои чувства. Но предварительно расскажу об эпохе, предшествовавшей моей свадьбе. Не повторю сказанного о влиянии на меня воспитания; по-моему, оно не перерождает человека, а лишь развивает его природные склонности и дает им или хорошее, или дурное направление.

Одиннадцатилетнее пребывание мое в Смольном монастыре

Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют

невинности и мира! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений. Благоговею перед вами!

Августейшая и великодушная государыня, положившая первые основания заведения, достойного тебя, прими здесь выражение столь заслуженной тобою благодарности. Память о тебе не изгладится в самые отдаленные века!

Обширнейшее государство в мире провозглашает имя Екатерины II. История сохраняет славные события самого великого царствования, целое поколение свидетельствует о ее благодеяниях; но ее можно вполне оценить, лишь узнав, как она была ласкова к тем, кого называла своими детьми, как была доступна для них.

Сироты, бедные и богатые, имели одинаковое право пользоваться прекрасным воспитанием, основою которому служило совершенное равенство. Это была община сестер, подчиненных одним правилам. Единственным отличием служили достоинства и таланты. Скрывая всегда расстояние, отделяющее подданных от государыни, мать и покровительница заведения не могла лишь скрыть от воспитанниц великих качеств, ее отличавших. Дозволяя детям короткое обращение с собою, она никогда не роняла своего величия.

Первый выпуск, к которому я принадлежала, наиболее воспользовался всеми выгодами заведения.

Плоды хорошего воспитания проявляются во всяком положении: я это испытала как в счастье, так и в горе. Теперь же, в преклонных летах, я с признательностию вспоминаю об

этой счастливой поре моей жизни. Прожив долго в свете и при дворе, среди вражды и страстей людских, я вполне могу оценить прелесть этого мирного приюта.

Образчиком тамошнего воспитания могу служить я. Поставив себе целью перебрать все мои привязанности, я в то же время постараюсь доказать мудрость основательницы заведения. Она с намерением поместила его вне города, дабы удалить воспитанниц от сношения с светом до той поры, когда вполне развитый разум и твердо укоренившиеся в сердце нравственные начала способны будут охранить их от дурных примеров. Как многих других, природа одарила меня счастливыми наклонностями, основательным же развитием их я преимущественно и единственно обязана воспитанию. В свете ничего нет прочного; обычай берет верх над правилами. Видишь лишь обезьян и попугаев, а не встретишь самобытного характера, отличающего человека от других, как отличается он чертами лица; но, при всеобщем однообразии, резко выдаются характеры девушек, воспитанных в наших заведениях, из них каждая имеет свой личный характер. Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны. Из них вышли прекрасные супруги. Им приходилось бороться против существовавших предубеждений насчет институтского воспитания, встречаемых даже в собственной семье, и против общего нерасположения. Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила. Лишь немногие из них отсту-

пили от данного им хорошего направления.

Не считаю эти рассуждения неуместными, потому что для обсуждения действий необходимо ознакомиться с обстоятельствами жизни, их вызвавшими. Впрочем, в моих воспоминаниях я не держусь никакого плана: я лишь самой себе отдаю отчет в том, что видела, чувствовала и испытала.

Нельзя вообразить себе более счастливого положения, чем то, в котором я находилась в течение одиннадцати лет в Смольном⁴. Счастье, которым я пользовалась, нельзя срав-

---

⁴ *Смольный институт* (официальное название – Воспитательное общество благородных девиц) был основан указом Екатерины II 5 мая 1764 г. Соответствовал разработанной Екатериной и И.И. Бецким программе «создания новой породы людей», сформулированной в «Генеральном учреждении о воспитании обою пола юношества», согласно которой «просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своих лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру – воспитание. Достигнуть же сего последнего с успехом и твердым исполнением не иначе можно, как избрать средства к тому прямые и основательные, т. е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие они получили сами, и от них дети передали паки своим детям, и так следуя из родов в роды в будущие века» (цит. по: Семенов ДД Деятельность К.Д. Ушинского в Смольном институте по личным воспоминаниям автора // Памяти К.Д. Ушинского. СПб., 1896. С. 70). Для осуществления плана воспитанницы нового учебного заведения должны были надолго быть изъяты из семьи и в отрыве от пагубных домашних примеров воспитаны в соответствии с новыми правилами благонравия и добродетели. В институт принимали в шестилетнем возрасте; курс обучения длился 12 лет и состоял из четырех трехлетних классов. Все это время воспитанницы безвыездно пребывали в стенах института и не имели свиданий с родными. Для занятий первоначально на-

нить ни с богатством, ни с блестящим положением светским, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся. Скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем. Уверенная в покровительстве Божиим, я не ведала о могуществе людей и навеки бы в нем сомневалась, если бы опыт не доказал мне, что упование на Бога не охраняет нас от их злобы.

Первая наша начальница была княжна Анна Сергеевна Долгорукова⁵, титулованная дама, пожалованная портретом императрицы. Судить ее я не позволю себе, потому что была тогда слишком молода. Помню случай, лично относившийся ко мне, который обнаружил ее неспособность занимать это важное место, вследствие чего ее осыпали милостями, чтобы склонить отказаться от должности. Она кичилась богат-

---

значались только учительницы, которые должны были неотлучно днем и ночью находиться при детях. Эти правила просуществовали в Смольном до кончины Екатерины II. Императрица Мария Федоровна, взявшая институт под свое покровительство, провела в нем ряд преобразований: срок обучения был сокращен до 9 лет – трех трехлетних классов, возраст приема в институт повышен до 9 лет, разрешены свидания с родными, для преподавания приглашены учителя-специалисты, а круглосуточно находиться при детях стали классные дамы.

⁵ Долгорукова Анна Сергеевна (1719–1778) – княжна, камер-фрейлина, начальница Смольного института в 1764–1767 гг. «Княжна Долгорукова недолго пробыла начальницей; надменная, малообразованная, суеверная, лишенная педагогического и административного такта, она скоро обнаружила неподготовленность и неспособность к выполнению возложенной на нее императрицей трудной и ответственной должности» (Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. СПб., 1914. Т. 1. С. 81).

ством, знатностью рода и притом была ханжа и суеверна. Будучи остроумна, она не имела достаточно ума для того, чтобы быть выше предрассудков, которые решено было изгнать из нашего мирного приюта. Гордая повелительница, она хотела, чтобы все склонялось пред нею, и не продержалась на своем месте более восьми месяцев.

Княжна присутствовала при молитвах воспитанниц. Однажды во время вечерней молитвы кто-то вошел в комнату, и мы все обернулись. Каково же было мое удивление, когда в этой общей вине одна я признана была виноватою: меня поставили на колени и сделали мне строгий выговор. Я очень была огорчена своим проступком; мне не приходило в голову разбирать, виновны ли были и другие; я плакала целые сутки и даже на другой день, когда стало известно, что наказание мое было лишь предлогом, чтобы сделать неприятности г-же Л[афон]⁶ и г-ну Б[ецкому]⁷, начальница нисколько не скры-

---

⁶ *Лафон* Софья Ивановна де (1717–1797) – из семьи гугенотов; переселилась в Россию из-за религиозных гонений. Правительница Воспитательного общества благородных девиц в 1764–1773 гг. и его начальница с 1773 г.; статс-дама (1796), кавалерственная дама ордена Св. Екатерины малого креста (1797). Оценка мадам Лафон современниками была неизменно высока. Так, И.М. Долгоруков писал о ней: «Жена моя, как и все монастырки, имела к ней неограниченную доверенность и почтение <...> По тому уважению, которое оказывала ей жена моя до последнего издыхания, я не могу и сам забыть г-жи Лафон, хотя, впрочем, не входил никогда с ней <...> ни в какое непосредственное отношение» (Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М., 1997. С. 42–43). См. о ней: Русский биографический словарь. Том «Лабзина – Ляшенко». СПб., 1914. С. 91.

⁷ *Бецкой* Иван Иванович (1704–1795) – видный русский просветитель, главный попечитель Воспитательного общества благородных девиц (1764–1795), иници-

ла этого, прямо сказав мне, что наказала их любимицу, и потом, чтобы вознаградить меня, начала нежно ласкать. Правда, что я была общею любимицею в заведении и осталась ею до конца; но в ту пору я была восьмилетним ребенком, не имевшим ни родных, ни протекции, и лишь хорошим поведением старалась заслужить общее расположение.

Около этой же поры я действительно провинилась, и проступок мой был такого рода, что обличал необыкновенную гордость и упрямство; но он же послужил мне уроком, и потому я стала недоверчиво смотреть на самые качества свои. Случилось это вследствие наказания, которому подвергся весь класс, исключая пять или шесть учениц, в числе которых была и я. Их поставили на колени во время обедни, а после службы простили и всем позволили играть по обыкновению. Сама не знаю почему, я имела превосходство над подругами; они всегда собирались вокруг меня, во всем спрашивали моего совета и спорили из-за дружбы со мной. Надо заметить, что в это время все мы были одноклассницы, от 8 до 9 лет. На этот раз я вздумала сторожиться (то есть остерегаться, беречься. — *Прим. ред.*) ото всех, которые были под наказанием, и вместе с остальными держалась в стороне, не позволяя виновным подходить к нам. Одна из них, от которой я в особенности сторожилась, обиженная оскорбитель-

---

атор школьной реформы 1763–1764 гг., в результате которой была создана система закрытых учебно-воспитательных учреждений сословного характера. См. о нем: Майков П.М. И.И. Бецкой: опыт его биографии. СПб., 1904.

ными словами, сказанными ей с презрением, пожаловалась гувернантке. Этой выходки я не ожидала, так как я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору. В этом же случае я уверена была, что поступила вполне с достоинством. Когда мне доказали громадность моего проступка, он мне показался до того отвратительным, что от стыда я не хотела в нем признаться. Свидетельство и улика еще более смутили меня; сознавая свою вину и каясь в ней внутренне я не решилась сознаться во лжи при подругах, которые меня считали своим оракулом. Но, преследуемая угрызениями совести и страхом прогневать Бога, в горести, я на коленях умоляла Его о помощи, обещая вперед не впадать в эту вину, лишь бы Он дал мне выпутаться из беды на этот раз. Но мне не уступали; я продолжала отпираться, и меня строго наказали.

Это обстоятельство сделало на меня сильное впечатление. Образцовым поведением старалась я загладить случившееся. Старания мои увенчались таким успехом, что впоследствии ко мне стали требовательнее, чем к кому-либо. Я начала сомневаться в успехе своих усилий; самая большая похвала могла лишь разочаровывать меня. Благодаря стараниям и размышлениям, я стала до того строга к себе, что чем более меня отличали, тем старательнее становилась я, желая усовершенствоваться и сохранить общее расположение.

Между нами царило согласие: общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц, никогда не прибегали к заступни-

честву старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими качествами, что их слова служили законом для подруг. Вообще большею частию были девушки благодетельные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы и понятия не имели.

Г-жа Лафон (Lafond), с редким умом управлявшая заведением в течение 30 лет, утвердила на прочных основах принятую систему воспитания. Она всецело предалась делу. С дальновидностью наблюдавшая за общим порядком, она выказывала большую деятельность в частных распоряжениях. С свойственной ей предусмотрительностью она предупреждала злоупотребления. Твердо и бдительно следя за тем, чтобы все лица, которые должны были содействовать успеху ее предприятия, добросовестно исполняли свои обязанности, она как бы воспитывала их прежде, нежели удостоить своим доверием. Ту же заботливость выказывала она при выборе прислуги, что так важно в заведении, где чистота нравов почитается залогом всех добродетелей. Г-жа Лафон принадлежала к доброму семейству, которое вследствие религиозных раздоров принуждено было покинуть Францию и искать убежища в России. Поселившись в Петербурге, родители ее продолжали свою торговлю вином и открыли первую в городе гостиницу, которую стали посещать знатные особы. Нажив состояние, они позаботились дать хорошее образова-

ние своей единственной дочери, которая родилась у них на старости лет; мать родила ее, будучи 50 лет. Красивая и богатая, она имела много женихов и в пятнадцать лет вышла замуж за француза, генерал-майора в русской службе. Она была несчастлива в замужестве, все свое состояние и спокойствие принесла в жертву мужу, который под конец совершенно сошел с ума и угрожал не раз убить ее и двух дочерей. Растратив женино состояние, он требовал в припадке сумасшествия, чтобы она и дети приняли католическую веру, к которой сам он не принадлежал, но считал это необходимым для получения наследства от своих родителей, находившихся во Франции. Он непременно хотел вернуться на родину; жена возила его за границу на воды, истратив на лечение его последние средства. Ничто не помогло; он умер, и г-жа Лафон с двумя детьми осталась в крайней нужде, без помощи, на чужой стороне. Она желала вернуться в Россию, чтобы собрать деньги, данные ее отцом взаймы нескольким лицам, и обратилась за помощью к нашему посланнику в Париже. Тут-то познакомился с нею г-н Бецкий и стал рассчитывать на нее как на особу, способную исполнить задуманный им план.

Возвратясь в Россию, г-жа Лафон продолжала видаться со своими прежними друзьями и знакомыми, находилась в лучшем обществе, всеми была любима и уважаема. В особенности привязался к ней г-н Бецкий; он ценил общество этой женщины, извлекавшей столько пользы из своих несча-

ствий, притом умной, веселой и заслужившей общее уважение своим примерным поведением. Познания ее были нужны для его любимого предмета; он часто советовался с ней, так что она уже вполне была подготовлена, когда ей поручено было заведение, и ей оставалось лишь привести в исполнение глубоко обдуманый план. На ее долю пал весь труд. Сначала, находясь при заведении в качестве директрисы, она на каждом шагу встречала противодействие главной начальницы; заменив ее, она ввела надлежащий порядок. Под ее рукою заведение вполне процветало. Ему можно было уподобить лишь Сен-Сирское учреждение во Франции⁸. Чтобы внушить более доверия к этому новому учреждению, во главе его поставили знатную особу, пожаловали ее портретом императрицы, с целью придать ей еще более весу⁹. Но выбор этот удовлетворил лишь тех, которые прельщаются внешне-

---

⁸ *Сен-Сир* – первая в Европе женская закрытая школа, основанная на государственных средствах и предназначенная для воспитания дочерей небогатых французских дворян. Была учреждена в 1686 г. недалеко от Парижа мадам де Ментенон – фавориткой, затем морганатической женой Людовика XIV. Просуществовала до Великой французской революции. Носила название «Институт св. Людовика» (а также «Дочери св. Людовика»). Школа в Сен-Сире, которую окончила и С.И. де Лафон, послужила образцом для Смольного института, а затем и других женских институтов России.

⁹ Речь идет об особо почетной награде, занимавшей в иерархии знаков отличия, принятой в России, исключительное место. Она представляла собой небольшой овальный медальон с изображением правящего монарха (в редких случаях – двух монархов: предшествующего и настоящего), обычно в бриллиантовой оправе. «Портрет» вручался лицам, наиболее близким к особе государя либо наиболее им отличаемым.

стию, не заботясь о сущности дела. Люди же разумные, принимавшие к сердцу общественную пользу учреждения, ясно видели превосходство г-жи Лафон и считали знатность рода излишнею. Вполне достойная вознаграждений за свои услуги, г-жа Лафон лишь незадолго до смерти своей получила портрет вместе с орденом Св. Екатерины. Умерла она в бедности, ровно ничего не оставив своей дочери. Общее уважение к ее личным достоинствам вознаграждало ее за недостаток отличий, которых старались ее лишать с помощью интриг. Прежде, нежели сказать, как дорога она была для меня лично, я должна была высказать, как ценима она была вообще. Она была предметом моей первой привязанности. Никто впоследствии не мог мне заменить ее: она служила мне матерью, руководительницею, другом и была покровительницею и благодетельницею моею. Я вполне поняла это, будучи в таких летах, когда могла отдать себе отчет в различных чувствах моих к ней. Любить, почитать и уважать ее было для меня необходимостью. Мое чувство в ту пору походило на сильную страсть: я бы отказалась от пищи ради ее ласк. Однажды я решилась притвориться, будто я не в духе, рассердить ее, чтобы потом получить ее прощение: она так трогательно умела прощать, возвращая свое расположение виновным. Это заметила я в ее отношениях к другим и пожелала испытать всю прелесть примирения. Видя ее удивленною и огорченною моим поведением, я откровенно призналась ей в своей хитрости. С свойственною ей кротостию она совето-

вала мне умерять мою излишнюю чувствительность, которая будет возмущать мое спокойствие, если я ей предамся без меры. Она говорила, что предпочитает меня другим, но не должна этого выказывать, чтобы не возбудить зависти. «Дитя мое, — сказала она мне, — вы заслуживаете общую любовь в заведении, но не надейтесь встретить в свете то же расположение и бойтесь, чтобы привычка к отличию и предпочтению не сделала бы вас гордою и требовательною».

Таким образом, эта умная наставница не пропускала случая дать мне добрый совет. Я же старалась чаще подавать ей повод к этому, сообщая ей самые тайные мысли свои и намерения. Я не могла наслушаться ее и извлекала из ее советов и увещаний правила, с которыми согласовала свое поведение. По окончании уроков я бежала к ней, чтобы пользоваться ее беседою или чтением. Иногда меня выпроваживали, я угадывала, почему, и возвращалась в сопровождении подруг. Наконец, благодаря моей настойчивости и похвальной цели моих посещений, г-жа Лафон не стала противиться тому, чтобы я находилась возле нее, и сама не могла обойтись без меня. Я стала ее другом; мне поверяла она свое горе, я же была ее сиделкою (в последнее время она часто хворала).

Из других моих привязанностей в Смольном одна лишь дружба с г-жой Рубановской¹⁰ была серьезным чувством.

---

¹⁰ Имеется в виду Анна Васильевна Рубановская (1750-е гг. – 1783), одноклассница и близкая подруга Ржевской по Смольному. Окончив – также с шифром

Она осталась моим единственным искренним другом до последней минуты своей жизни. С обеих сторон чувство доходило до совершенной преданности. По смерти ее я имела счастье оказать услуги ее семейству, детям и тем исполнила священный долг, заплатив за ее дружбу, которая до того времени не требовала от меня ни малейшего пожертвования. Искусное перо могло бы написать целую книгу о ее добродетелях, несчастиях и твердости духа, которая послужила бы к назиданию многих.

Остается мне поговорить о И.И. Бецком, игравшем столь важную роль в моей жизни с самого детства моего и до замужества. Затрудняюсь определить его характер. Чем более я о нем думаю, тем смутнее становится он для меня. Было время, когда влияние его на меня походило на очарование. Имея возможность делать из меня что ему вздумается, он по своей же ошибке лишился этого права. С сожалением высказываю это, но от истины отступать не хочу. Факты докажут, что мы, несмотря на свободную волю, не можем избежать своей судьбы.

И.И. Бецкий своим усердием, бескорыстием и патриотизмом отличался во всех отраслях вверяемого ему управления.

– в 1776 г. курс Смольного, Рубановская в том же году вышла замуж за писателя А.Н. Радищева. От этого брака у нее были дочь и три сына: Василий (1777 —?), Николай (1779–1829) и Павел (1783 – после 1858), которых после смерти Радищевой в 1783 г. воспитывала ее сестра, также выпускница первого набора Смольного, Елизавета Васильевна Рубановская (? – 1797), вскоре ставшая гражданской женой Радищева и последовавшая за ним в сибирскую ссылку.

Своими заслугами он достиг высших должностей, всеобщего уважения и полного доверия великой Екатерины. Полезные заведения, основанные им для общественного блага, были его величайшими заслугами. О значении, какое он имел, забыли; но заслуги его останутся всем памяты. Воспитательные дома в Москве и Петербурге¹¹ и два заведения при Смольном монастыре, одно для дворянских дочерей, другое – для мещанок¹², послужат незабвенными памятниками его трудов. Устав этих заведений, им составленный, свидетельствует о качествах его ума и сердца.

Императрица, определившая значительные суммы на со-

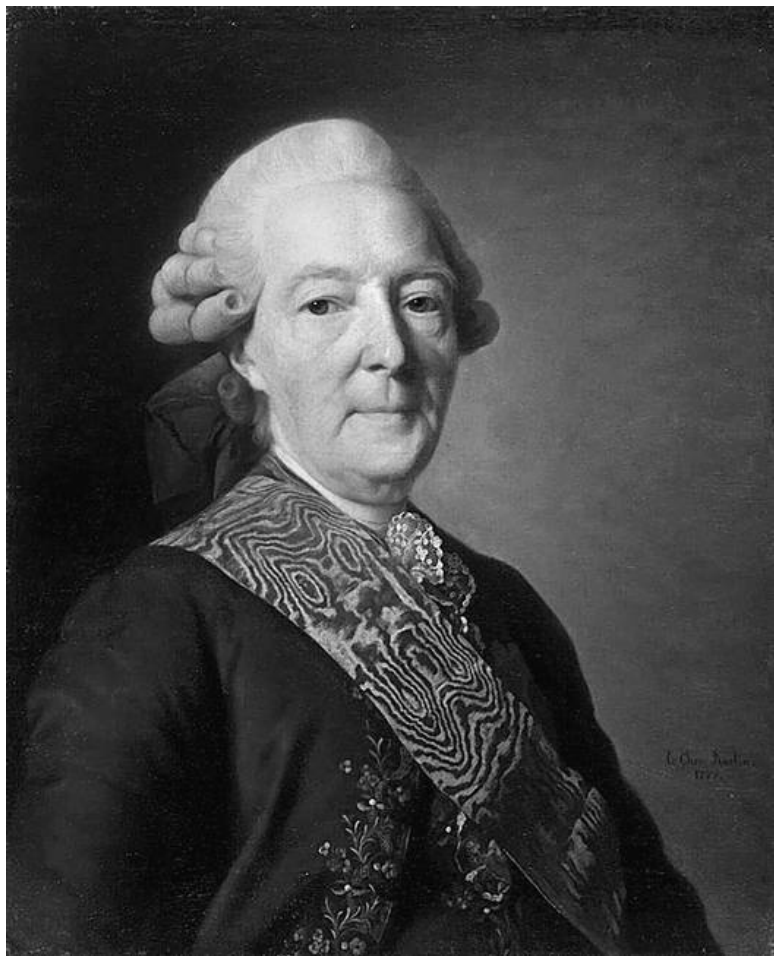
¹¹ В Москве воспитательный дом был создан по проекту И.И. Бецкого в 1763 г., в Петербурге – в 1770 г. Воспитательные дома представляли собой благотворительные закрытые учебно-воспитательные учреждения для «приема и призрения подкидышей и бесприютных детей». Воспитанники дома получали начальное образование, обучались ремеслам.

¹² Два заведения при Смольном монастыре – Воспитательное общество благородных девиц (с 1842 г. – Николаевская половина, или Николаевский институт) и Мещанское отделение (с 1765 г.). Первоначально обучение «мещанок» продолжалось также 12 лет. Императрица Мария Федоровна сократила срок обучения до 6 лет (два трехлетних класса) и с 1814 г. распорядилась принимать в Мещанское училище дочерей военных (до чина подполковника включительно). Позднее сюда стали принимать дочерей полковников и штатских чиновников от титулярного советника до коллежского советника, а также дочерей дворян, внесенных в третью часть дворянской книги, священников, протоиереев, евангелических пасторов. В 1842 г. училище стало называться Александровским (Александровской половиной) в честь наследника-цесаревича Александра Николаевича; с 1891 г. – Александровский институт. Оба института находились на территории Смольного монастыря, имели единое начальство и штат учителей, но размещались в разных зданиях и различались программой и длительностью обучения.

держание этих заведений, поручила их Бецкому, которому принадлежит честь составления плана и исполнения его. Будучи единственным распорядителем в этом предприятии, он не упустил из виду ни малейшей подробности, победил величайшие затруднения. Он удачно выбирал лиц, которые должны были помочь ему в деле. Они являлись со всех сторон; каждого допускал он к себе и в выборе своем редко ошибался, что могут засвидетельствовать даже самые враги его. Этого удивительного человека, этого почтенного старца приучили нас уважать как отца и защитника.

Таков он был до последней минуты нашего пребывания в Смольном для всех воспитанниц; достойнейшим старался доставить самые большие преимущества и был в этом случае справедлив без малейшего лицемерия. Отношение его ко мне было иного рода. С первого взгляда я стала его любимейшим ребенком, его сокровищем. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметом его нежнейших чувств, целью всех его мыслей. Это предпочтение нисколько не вредило другим, так как я им пользовалась для блага других: ничего не прося для себя, я всего добивалась для своих подруг, которые благодарны мне были за мое бескорыстие и вследствие этого еще более любили меня. Я не переставала просить его за всех, кто нуждался в его покровительстве, и не тщетно. Он всегда исполнял мои просьбы. Имея намерение доставить какое-либо удовольствие воспитанницам, он сообщал мне об этом заранее и приводил свою мысль в ис-

полнение лишь по настоятельной моей просьбе, так что за доставленную им радость честь приписывалась мне. Я любила Ивана Ивановича с детскою доверчивостию, как нежного и снисходительного отца, в котором я не подозревала ни единого недостатка и о достоинствах которого мне постоянно твердили. Я бессознательно чувствовала, что он мне подчинялся, но не злоупотребляла этим, предупреждая малейшие желания его. Исполненная уважения к его почтенному возрасту, я не только была стыдлива перед ним, но даже застенчива. Все мы были очень скромны, несмотря на полную свободу, в которой нас воспитывали.

Иван Иванович Бецкой (1704—1795) – видный деятель русского Просвещения, личный секретарь императрицы

Екатерины II (1762—1779), президент Императорской Академии искусств (1763—1795), инициатор создания Смольного института и Воспитательного дома. Возглавлял комиссию по каменному строению в Санкт-Петербурге и Москве

Впрочем, теперь не об этом идет речь. Я говорила о привязанности моей к Бецкому; безграничное чувство мое не имело особенной цены: с его стороны были все жертвы, я же лишь поддавалась упоительному чувству, составлявшему мое счастье. Но он мне не внушал такого доверия, как г-жа Лафон: перед нею я изливала свои чувства, а при нем радовалась, не высказываясь. Г-жу Лафон спрашивала я, хорошо или дурно я поступала. Она так умела направить мои мысли, что поведение мое всегда согласовалось с ее советами. Вскоре г-н Бецкий перестал скрывать свои чувства ко мне и во всеуслышание объявил, что я его любимейшее дитя, что он берет меня на свое попечение и торжественно поклялся в этом моей матери, затеплив лампаду перед образом Спасителя. Он перед светом удочерил меня. Три года пролетели как один день, посреди постоянных любезностей, внимания, ласк, нежных забот, которые окончательно околдовали меня. Тогда бы я охотно посвятила ему свою жизнь. Я желала лишь его счастья; любить и быть так всецело любимой казалось мне верхом блаженства. Я ровно ничего не смыслила в денежных расчетах и не обращала внимания на нашептывания о его богатстве; меня пугала мысль о перемене, а между тем

пора ее настала, и участь моя должна была решиться.

Г-н Бецкий стал внимательнее, чем когда-либо; ни холод, ни дурная погода не удерживали его – ежедневно являлся он ко мне, под конец даже по два раза на день. Только мной и занимался, беседовал со мной о моей будущности. Видя, что я ничего не понимаю, и что разговор этот мне надоедал, он решился действовать как бы согласно с моим характером и склонностями; на самом же деле он управлял мной по-своему. Стараясь удалить меня от всех, кто пользовался моим доверием, и самому вполне овладеть им, он так ловко устроил, что никто не смел открыть мне его намерений, а они были так ясны, что когда я припоминаю его поведение, то удивляюсь своей глупости. Сначала он попробовал ослепить меня драгоценными подарками; я отказалась от них как излишних для меня. Потом, шутя, при всех спросил меня, что я предпочитаю: быть его женой или дочерью. «Дочерью, – отвечала я, – потому что одинаково могу жить возле вас, и никто не подумает, чтобы я любила вас из интереса, а не ради вас самих; говорят, что вы очень богаты». – «Но у вас ничего нет». – «Да разве мне чего-либо недостает?» Он смеялся до слез, переменял разговор, а я на все это не обращала внимания, как будто дело шло не обо мне.

При выпуске надо меня было одеть; родителей у меня не было, и Бецкий взялся позаботиться о моем гардеробе, приносил мне образчики разных материй и удивлялся, что я выбирала самые простые: и хорошо делала, потому что на дру-

гой день свадьбы мужу моему пришлось заплатить за них. Я была так неопытна, что воображала, что мне доставляют лишь должное. Между тем императрица щедро помогала моему экипированию. Назначив меня для встречи будущей супруги наследника на русской границе, она ничего для меня не жалела. Меня всем снабдили на дорогу; к тому же у меня было 100 рублей, которые подарил мне брат Д[митрий]. Не зная цены деньгам, я истратила их в Риге, купив подарков, которые я послала своим приятельницам. Разлука моя с Бецким огорчила его, но он в этой поездке находил ту выгоду, что, удаляясь от подруг и сближаясь со двором, я нуждалась в его покровительстве. Несчастный старец, душа моя принадлежала тебе; одно слово, и я была бы твоею на всю жизнь. К чему были тонкости интриги в отношении к самому нежному и доверчивому существу?.. Тебя одного я любила и без всяких рассуждений вышла бы за тебя замуж. Значит, ты обманывал меня, говоря, что муж мой будет твоим сыном. И точно, он часто говорил со мной о блестящей участи, которую он мне готовил, и требовал от меня одного условия: выбрать того, кто согласится, подчиняясь ему, жить в доме, который он хотел мне подарить. Всякая бы другая заметила, что его поведение не согласовалось с его речами; я же о том догадалась, когда уже было поздно: поведение его сбilo меня совершенно с толку. Покамест он все был ласков и выражал страсть свою, не называя ее. Потом, из ревности, начал удалять от меня даже женщин, меня возлюбивших. Я ничего

не скрывала от него и лишь находила его менее любезным, потому что он дурно отзывался о тех, кто меня любил. Я, ничего не подозревая, простодушно на то сердилась.

Видя, что я не знаю света, и что даже подозрение о зле возмущает меня, он всячески старался убедить меня, что все хотят меня обманывать, чтобы тем удалить меня от света. Он не выходил из моей комнаты и, даже когда меня не было дома, ожидал моего возвращения. Просыпаясь, я видела его около себя. Между тем он не объяснялся. Стараясь отвлечь меня от замужества с кем-либо другим, он хотел, чтобы я решилась выйти за него как бы по собственному желанию, без всякого принуждения с его стороны. Страсть его дошла до крайних пределов и не была ни для кого тайною, хотя он скрывал ее под видом отцовской нежности. Я и не подозревала этого. В 75 лет он краснел, признаваясь, что жить без меня не может. Ему казалось весьма естественным, чтобы восемнадцатилетняя девушка, не имеющая понятия о любви, отдалась человеку, который пользуется ее расположением. Рассуждал он правильно, но ошибался в способах достигнуть своей цели. Повторяю, будь он откровеннее, я бы охотно сделалась его женою. Между тем многие искали мне нравиться. Из них лишь один, мой покойный муж¹³, обратил на себя

---

¹³ Имеется в виду Алексей Андреевич Ржевский (1737–1804) – по словам Бартенева, «один из образованнейших людей того века». Депутат Уложенной комиссии 1777 г., исполняющий обязанности директора Академии наук (1772), президент Медицинской коллегии (с 1783 г.), сенатор; под конец жизни имел чин действительного тайного советника. Видный масон; известный в свое время ли-

мое внимание. Сдержанный, почтительный, он пользовался расположением людей достойных уважения и доверия и желавших мне добра, между которыми был князь Орлов (речь идет о князе Григории Григорьевиче Орлове. — *Прим. ред.*). Он серьезно беседовал со мной об этом и говорил, что императрица довольна бы была этим замужеством.

Г-н Ржевский сделал мне предложение. Я ничего не обещала ему, сказав, что завишу от Ивана Ивановича Бецкого, к которому пусть он и обратится. Он захотел знать, имею ли я к нему расположение и приму ли его предложение. Я отвечала, что не иначе как с согласия того, кто заменяет мне отца, а что без его одобрения я не отдам никому ни руки, ни сердца.

Я поспешила рассказать Ивану Ивановичу обо всем случившемся. К моему величайшему удивлению, этот человек, обыкновенно столь кроткий и сговорчивый, разгневался и пришел в отчаяние. Я растерялась, вообразив, что сделала большую неловкость; но хотела, однако, узнать, в чем именно. Успокоившись, он объяснил мне свою вспышку тем, что я огорчила его, необдуманно связав себя тем, что дала слово человеку, которого не знаю. При этом он мрачными красками описал, как меня поддели, употребив во зло имя императрицы, и наконец сказал, что умрет с горя, если я буду

тератор: в 1760–1763 гг. участвовал в журналах М.М. Хераскова «Полезное увеселение» и «Свободные часы», переводил статьи из «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д’Аламбера, был автором трагедии «Смердий и Прелеста», многих стихотворений.

несчастлива. Всего этого достаточно было, чтобы внушить мне отвращение от всякого замужества. Я уверила его, что вовсе не стою за эту партию, совершенно от нее отказываюсь и подчиняюсь его воле во всем, что касается моей судьбы. Успокоенный сверх ожиданий, он старался всячески изгладить сделанное на меня неприятное впечатление, оправдывал свою вспышку самую чувствительною нежностью ко мне, на коленях просил у меня прощения, предлагая мне требовать от него всевозможных жертв. Я стала просить за дочь г-жи Лафон; тотчас же он позволил мне объявить ей, что назначает ей 40000 руб. Эта была счастливейшая минута моей жизни. (Слова своего он не сдержал под предлогом, будто бы поставил мне в условие не выходить замуж. Однако он мне не осмелился предложить оного.) С этой поры начались неприятности. Он меня опутывал интригами, причинял мне горести и заботы, внушал мне неразумные поступки, сам держась в стороне, и все это с целью лишить меня покровительства августейших особ, которые разоблачали его хитрости. Он все это делал не для того, чтобы меня губить, а чтобы заставить с отчаяния выйти за него замуж. Желая вооружить меня против разных лиц, он выдумывал на них небылицы и раздражал меня до того, что я готова была забыться перед ними. Он едва не одурачил меня. Но невидимая рука указывала мне правый путь в этом лабиринте интриг, и я выпуталась из сетей, расставленных перед моей невинностью и чистосердечием. Бог сохранил меня невредимою. Это отнесли

к моей чести, я же убеждена была, что спасло меня Провидение. Книги не достанет, чтобы описать все западни, которые расставлял для меня человек, долгом которого было охранять мою молодость. Но страсть не рассуждает. Если никто не любил меня более Ивана Ивановича, зато никто не сделал мне столько зла, как он. Господь заботился о моей участи.

Разберем обстоятельства, сделавшие невозможным примирение, между тем как спору не должно было и существовать. Я более не думала о предложении Ржевского. Иван Иванович принял его прекрасно, разыграв как нельзя лучше роль нежного отца. Он составил план своего поведения и непременно достиг бы своих целей, если бы не случилось происшествия, расстроившего его намерения. Во-первых, в разговоре с г-ном Ржевским он уверил его, что препятствия были с моей стороны, что я противилась его желанию выдать меня замуж, увещевал его быть терпеливым, обещая действовать в его пользу. К несчастью, он напал на человека, который был хитрее его. Между тем как он по-своему учил меня, князь Орлов старался разъяснить мне, в чем дело; но меня так приучили быть недоверчивою, что нельзя было подорвать влияния Ивана Ивановича. Орлов не щадил его в моих глазах, а меня сердило, что подвергали сомнению чистоту его намерений. С своей стороны Иван Иванович сообщал мне невыгодные отзывы о моем женихе. Между тем явился новый претендент, граф Брюль, которому покровительствовал великий князь (Павел Петрович (1754—1801), импера-

тор Павел I с 1796 г. — *Прим. ред.*). Он был приятный молодой человек; я видала его в Смольном, при дворе, у графини Салтыковой, где мы вместе занимались музыкою. Он пел и играл на мандолине. Этого человека я могла бы сердечно любить, не будь я предупреждена, что девушка должна беречь свое сердце для человека, который за нее посватается. Я не могла понять намерений графа, приписывая его внимание ко мне обыкновенной светской любезности, которою я была окружена. Распускали слухи о скорой его тайной женитьбе на одной из бывших воспитанниц Смольного. Я верила этим слухам, не смея вдумываться в слышанное, тем менее расспрашивать его самого. Обратись он с предложением прямо ко мне, дело бы вышло иначе; но мне не разъяснили его чувств, а вмешательство великого князя, вследствие некоторых обстоятельств, казалось мне подозрительным. Видя, что борьба ему не под силу, Иван Иванович выдумал хитрость, вследствие которой я почувствовала отвращение к ухаживанию графа и к участию великого князя. Он представил мне дерзость их намерений. Я пришла в негодование, отказала наотрез и не велела мне поминать об этом. Великий князь, заметивший мое расположение к графу, которого он очень любил, весьма удивлен был моим отказом, причиной которого я выставляла слухи о скорой женитьбе графа; но, так как это были лишь сплетни, великий князь не терял надежды победить мое упрямство и всеми силами старался об этом. Настойчивость его еще более убеждала меня в истине все-

го слышанного о нем. Иван Иванович решился во что бы то ни стало прекратить эти преследования. Призвав на помощь всю свою хитрость, он стал уверять меня, что его обманули в отзывах о Ржевском, что, собрав более точные сведения, он нашел эту партию выгодною, и что мне следует дать свое согласие, но никому не говорить об этом, кроме императрицы. Как сказано, так и сделано. Великий князь не унывал. Он открыто противился этому замужеству, дружески советовал мне иметь доверие к нему в том, что касается моего счастья, и говорил, что придет время, и он докажет мне искренность своих слов, обогатив человека, который пока не имеет состояния. Я была непоколебима в своем отказе и, признаюсь, вопреки своей склонности. Иван Иванович над всем восторжествовал. Надо знать, что делал он в это время. Отвлекая меня от человека, которого я бы охотно избрала, он запутывал меня в новые сети. Ему нельзя было унижать передо мной того, кого он только что восстановил в моем уважении, и потому он стал стараться возбуждать в нем виновность и ревность ко мне, заставлял его играть самую глупую роль, поощряя мои невинные ласки в его присутствии. Он выходил из терпения и готов был отказаться, если я не освобожу его от данного им обещания жить в одном доме с Бецким. Мне было тяжело огорчить старика, которому я считала себя обязанною посвятить всю жизнь. Я слегка противилась, а между тем серьезно размышляла о последствиях разрыва с Ржевским и о далеко не приятной зависимости от Ивана Ивано-

вича, которая удерживала меня при дворе, откуда я рвалась. Иван Иванович не терял меня из виду и едва не достиг своей цели. Но мне на помощь явился князь Орлов, который начал следить за каждым шагом Бецкого и открыл мне все его происки. Заслужив мое доверие, он добился того, что я решилась вперед слепо не поддаваться человеку, искавшему ввести меня в заблуждение. С помощью двоюродной сестры князя Орлова (Имеется в виду Анна Степановна Протасова (1745–1826), камер-фрейлина, кавалерственная дама, с 1801 г. графиня. – *Прим. ред.*), жившей при дворе, я ближе познакомилась с Ржевским и понемногу привязалась к нему. Этого не ожидали. Я стала тверда и последовательна в своих действиях. Тогда Бецкий стал еще деятельнее и решился ввести меня в немилость при дворе великой княгини, выставив меня неблагодарною пред императрицей и пред женихом двуличною, а их всех представил мне несправедливыми и достойными презрения. Я терпеть не могла придворную жизнь, желала распрощаться с нею и выйти за Ржевского. Все это происходило весной перед отъездом в Царское Село, где Ржевский, с моего согласия, нашел помещение для себя, чтобы видаться со мной ежедневно. Императрица открыто покровительствовала моей свадьбе, хотя посредством преследований Бецкий вынуждал меня скрывать мое намерение и даже отложить свадьбу на два года. Будучи не в состоянии расстроить дело, он надеялся на время и на могущество интриги. И точно, в тот день, когда я укладывалась в дорогу,

а Бецкий расхаживал взад и вперед, за мной прислала великая княгиня. Она встретила меня в слезах и объявила мне, что императрица приказала мне остаться в городе. Я просила великого князя постараться об отмене этого приказания. Он два раза ходил к императрице и объявил нам, что тут кроется какая-то тайна. Императрица не хотела высказаться, а лишь сказала ему, что не желает стеснять меня и, согласно моему желанию, позволяет мне подышать на свободе и отдохнуть от ревности его жены; прибавил, что напрасно я настаиваю, что он ничему этому не верит, зная мою правдивость и неспособность сочинить непростительную ложь. Великая княгиня сильно вспылила, я рассердилась и внезапно ушла. Бецкий ждал меня, все устроив по-своему. Он уверил меня, что сейчас вернулся от императрицы, которая сказала ему, что, по настоятельной просьбе великой княгини, оставляет меня в городе без ведома ее мужа, чтобы удалить меня от него. Мне рассказ показался правдоподобным. Императрица, желая семейного согласия, могла потакать капризам невестки. Но последней я не могла простить ее поведения в отношении ко мне, в случае, в котором она одна была виновата. Я не сдержала своего негодования. Вместо того чтобы успокоить меня, Бецкий приходил в ярость, говоря, что эта немилость окончательно испортит мою репутацию, о которой и без того ходят невыгодные слухи. Я клялась, что не хочу более оставаться при дворе, где служу яблоком раздора. Этого он только и ждал. Сейчас представил он мне самые

привлекательные картины жизни посреди дружбы, под отцовским кровом; хотел тотчас же перевести свой дом на мое имя, окружить всеми лицами, к которым я была привязана в Смольном, выписать оркестр из Германии, инструменты из Англии, дать мне способ усовершенствоваться в музыке и живописи, задавать балы, играть комедии и т. д. Горесть моя сменилась радостью; я поддалась уму и благосклонности моего защитника. Ему необходимо было поддерживать во мне это настроение, поспешить исполнением своих намерений. Все бы было потеряно, если бы кто-либо открыл мне истину. Он не дал мне даже проститься с Их Императорскими Высочествами и повез меня обедать к г-же Лафон. Ей он на-сказал, что хотел, и расположил в свою пользу, так что, обманутая подобно мне, она убеждала меня следовать впредь лишь советам Ивана Ивановича. Мне не пришлось побыть с нею наедине; я лишь заметила, что она была чем-то стеснена и беспокойна: будучи подвластна Бецкому, она считала себя обязанною во всем помогать ему; но грусть проглядывала на ее лице. Привыкши угадывать ее мысли, я поняла, что мне грозит опасность. Я была грустна и задумчива весь вечер, проведенный у Ивана Ивановича. Мне хотелось по-видаться с женихом; послали пригласить его на следующий день, но он отказался под предлогом нездоровья. Тогда его начали бранить, представили его низким, подлым куртизаном (льстивым царедворцам. – *Прим. ред.*), которого влекла ко мне лишь выгода, и который покидал меня при кажущей-

ся немилости. Я стала его защищать: такие неосновательные обвинения не согласовались с чистотой моего сердца и возвышенностью чувств; я с презрением отвергала их. Г-жа Рибас¹⁴ – фурия, дьявол воплощенный, заклятый враг, отравила мое чистосердечие. Ядовито отзывалась она о дворе, о всем человечестве, о глупой слепоте моей в отношении ко злу. Я попала точно в ад, и впервые зло показалось мне возможным. Я считала ее самым злейшим существом, и в ее-то обществе мне пришлось бы провести всю жизнь. Я испытывала дотоле неведомую мне грусть, которой я вовсе не скрывала, и, не стесняясь, упрекала ее. По-видимому, она, стараясь помочь Бецкому, перешла границы. У нее были собственные планы: для нее необходимо было внушить мне отвращение к дому, в котором она была хозяйкою. Бецкий, испугавшись впечатления, сделанного на меня ее речами, присоединился ко мне, осыпая ее упреками. Чтобы развлечь меня, он повез меня кататься, и, как нарочно, мы встретили Ржевского, который сказывался больным. Старик подхватил этот случай и начал мне доказывать, что Рибас отчасти права, и в свою очередь описывал Ржевского самыми черными красками.

---

¹⁴ Рибас Анастасия Ивановна де (в девичестве Соколова; 1741–1822), камер-юнгфера Екатерины II (по некоторым сведениям, сопровождала Екатерину 28 июня 1862 г., в день ее восшествия на престол, из Петергофа в Петербург); с 1776 г. жена Иосифа де Рибаса (1749–1800), адмирала русской службы, известного своей ролью в основании Одессы (в его честь была названа Дерибасовская улица).

Грусть овладела мной, но гордость оживила мою потрясенную душу. Проезжая мимо Ржевского, я заметила знак радости, обещавший мне разъяснение всего. Возвратясь во дворец в сопровождении сестры, я получила через горничную записку от Ржевского, который просил у меня свидания втайне от старика, имея сообщить мне нечто весьма важное. И точно, в присутствии сестры моей он разоблачил передо мной тайны, которыми меня окружали, чтобы поставить непреодолимые преграды между нами. Он признался, что сам был обманут, подозревая, что я изменила ему, и всячески старался добиться истины; передал мне, что императрица сказала князю Орлову, что Бецкий весь день не давал ей покою, от моего имени прося ее оставить меня в городе для приготовления приданого. С моей стороны я рассказала ему, как произошло все вышеописанное. Все разъяснилось, и объяснение это привело к желанной развязке.

Алексей Андреевич Ржевский (1737—1804) – действитель-

тельный тайный советник, сенатор, вице-директор Петербургской Академии Наук, президент Медицинской Коллегии, масон; поэт.

Г. Державин посвятил супругам Ржевским одну из своих од – «Счастливое семейство»:

*В дому его нет ссор, разврата,
Но мир, покой и тишина:
Как маслина плодом богата
Красой и нравами жена (...)
Как розы, кисти винограда
Румянцем веселят своим,
Его благословенны чада
Так милы вокруг трапезы с ним.*

Будучи уверена в чувствах Ржевского, я все простила Ивану Ивановичу и, чтобы не сконфузить его окончательно, скрыла от него, как известны мне были все его проделки. Он же до конца продолжал свои интриги; но, совершенно проиграв дело, так как хитрость его была обнаружена, он должен был охотно согласиться на наш брак. Из уважения я подчинялась его власти. Как отец, он необходим был для моего счастья, единственное же его желание было сделаться моим мужем. Я начала примирением с великой княгиней, которая считала себя обиженной моим обращением с нею при таких обстоятельствах, в которых она не была нисколько виновата. Я написала ей без ведома своего опекуна. Мы объяснились, и

прошлое было забыто. Я вернулась ко двору, где все принимали живое участие в моем замужестве. Все нас восхваляли, порицая моего гонителя и уговаривая меня скорее окончить дело, чтобы избавиться новых преследований. Императрица ожидала лишь моего решения, готовая нас благословить; но я в этом случае не хотела обойти старика, заменявшего мне отца, желая получить высочайшее разрешение по его ходатайству. Он совсем потерялся и полагал, что, отсрочивая доложить об этом императрице, он в состоянии будет расстроить дело. Он употребил все свое влияние на меня: соблазнительные обещания, горесть его и отчаяние, которого я не могла выносить. Ласки его сменялись угрозами. Наконец он заставил г-жу Лафон написать письмо, исполненное упреков, в котором она мне доказывала, что я буду самая неблагодарная девушка, если откажусь выйти за Бецкого. Напрасно уверяла я Ивана Ивановича, что все это ни к чему не ведет, что я люблю Ржевского. Он по-своему объяснял вещи, полагая, что я должна отказать Ржевскому, потому что я привязалась к нему лишь вследствие его собственных стараний об этом, и что он мог требовать от меня изменения решения моего. Легко было опровергнуть эти софизмы, тем более, что я вследствие им же данных уроков привыкла думать и рассуждать. Он приставал ко мне и мучил меня с утра до вечера. Его проделки лишь ускорили развязку дела. Я устала от страдания и объявила, что, ежели он будет продолжать мучить меня, я обойдусь и без его вмешательства в

деле, в котором он играет роль вследствие моей же собственной воли. Ему пришлось покончить. Тогда он вывел на сцену давно забытое условие, а именно: обещание поселиться у него в доме, которое прежде пугало Ржевского, и на которое он рассчитывал, чтобы расстроить свадьбу. Он унижался до мольбы передо мной, представляя необходимым для нашей репутации, чтобы мы хотя на несколько месяцев поселились в доме, который он устроил для нас. Я окончательно уговорила Ржевского согласиться. Тогда интриги прекратились, но Иван Иванович все-таки надеялся поколебать мою решимость и добиться моей руки с помощью своего настойчивого постоянства. Перед алтарем, будучи посаженным отцом, он представлял мне примеры замужеств, расхаживавших во время самого обряда венчания, и подстрекал меня поступить таким же образом. Замужество мое положило конец всем спорам. С дочернею нежностью старалась я утешить Ивана Ивановича, но усилия мои были бесполезны: дружба не могла удовлетворить его страсти. Мое положение становилось невыносимым посреди любви мужа и дружбы Ивана Ивановича. Оба они считали себя обиженными мною и мучили меня. Удовлетворить их притязаниям не было возможности; надо было дать предпочтение одному из них. Бецкий старался посорить меня с мужем, по-прежнему возбуждая его ревность и уверяя его, что он не может рассчитывать на исключительную привязанность ребенка, который ему, старику, изменил бессовестно. Мне он представлял ожидающее

меня несчастье — жить с мужем при его подозрительном и вспыльчивом характере. Когда я упрекала его за все, что он насказывал обо мне мужу моему, он начинал ругать его, говоря, что он обращает в мрачную сторону его речи, убеждал меня не доверять человеку, неспособному оценить меня и который во зло употребил мое доверие. В поведении Ивана Ивановича я ясно видела намерение поссорить меня с мужем, отталкивая его от меня оскорблениями, и нежностью и обещаниями богатства завладеть мною. Он искал случая захватить меня в свои руки, не заботясь добиться на то моего согласия. Я вовремя остановила его. Доказав ему громадность его вины, предложив все способы примирения, я объявила ему, что я и муж более не должны оставаться в его доме; говорила, что от этого зависит его собственное спокойствие, и обещала во всю жизнь мою доказывать ему мою привязанность. Он и слышать не хотел об этом и, видя, что все настояния бесполезны, поклялся отомстить мне. На другой день я уехала. Он заболел, и г-жа Рибас распустила слух, что я убила его. С этого времени я навещала его, когда он этого желал, а его влекло ко мне неугасавшее чувство. Сначала он попробовал очернить меня в общественном мнении с помощью г-жи Рибас, а также и в глазах императрицы, но поведение мое противоречило его словам. Впоследствии, поуспокоившись, он желал примириться со мною, но аргус (в древнегреческой мифологии многоглазый великан, у которого спали одновременно только два глаза, символ неусыпного на-

блюдения. — *Прим. ред.*) его противился этому. Он жаловался мне на обхождение с ним г-жи Рибас, тайно посылал ко мне своего доверенного камердинера, умоляя о помощи и прося оградить его от преследований г-жи Р[ибас], которую он уже не в силах был унять. Я приезжала и находила дверь запертою для меня: его уверяли, что меня нет в Петербурге. В эту пору он ослеп и почти терял рассудок. Прежде он мне говорил о своих распоряжениях, которые желал привести в исполнение перед смертию, но его заставили изменить их. Это меня ничуть не заботило, но мне больно было видеть его в зависимости от самого неблагодарного создания, между тем как я не могла за ним ухаживать. Даже в последние дни его жизни меня не было при нем.

И.И. Бецкий мог мне сделать много добра, а между тем, имея самые благие намерения, он принес мне много вреда. Никто в мире не любил меня так сильно и с таким постоянством. Он мог сделаться моим мужем, служить мне отцом, благодетелем; но, по собственной вине не достигнув своих целей, он стал играть роль моего преследователя. Будучи предметом моей первой привязанности, он мог легко жениться на мне, без огласки, послужившей лишь к его стыду. Можно отчасти извинить скрытность и лукавство в свете, потому что они необходимы для преодоления встречаемых препятствий к достижению цели. Честолюбие и другие страсти, нуждаясь в некоторого рода оправдании, скрываются под благовидными предложениями; но чувства сердечные не

имеют надобности в притворстве. Оба мы были свободны; отчета нам некому было отдавать; я была покорна и привязана к нему, он мог прямым путем достигнуть цели. К чему было стараться уверить свет, что страсть была с моей стороны, а он женится на мне из желания осчастливить меня? Вот чего он добивался и почему принужден был прибегать к хитрости.

Об отношениях моих ко двору

При дворе и речи не бывает о глубоких и прочных чувствах; тут все поверхностно и подчиняется условным законам, которые беспрестанно изменяются; тут за свои личные качества столько же можно отвечать, сколько за царскую милость и за отличия, ею доставляемые.

Я говорила, с каким отвращением поступила я ко двору; расскажу теперь, как тяжело мне было пробыть при нем около года. Потому странными могут показаться сношения мои со двором, продолжавшиеся 26 лет и прекращенные вследствие немилости, ничем не заслуженной. Рассмотрим обстоятельства дела, лично меня касавшегося, но о котором до сих пор мне не пришлось серьезно подумать; зато праздные умы находили в нем пищу. Пора и мне поговорить об этом и доказать, что не все то золото, что блестит.

Не все тщеславны, суетны и низкопоклонны. Я имею счастье принадлежать к исключениям этого рода. Имея неко-

торуую гордость душевную, я не поддавалась превратностям судьбы и посреди рабства сохраняла независимость, хотя и носила цепи, им налагаемые, но только до тех пор, пока положение это могло быть полезно детям моим; когда же они перестали в нем нуждаться, я покинула двор.

Посмотрим, насколько каждый способен быть судьей в своем деле; буду рассуждать по-своему. У меня всегда был свой образ мыслей, хотя я не отвергала чужого мнения, когда признавала его разумнее своего. Выскажу всю правду. Пожалуй, рассказ мой покажется длинным, но все же может принести пользу неопытному.

Скажу лишь несколько слов об императрице Екатерине II. Она была великодушна и добра. В моем детстве она благодетельствовала меня, дав мне прекрасное образование. Впоследствии она заботилась о моей судьбе, взяла меня ко двору¹⁵, где защищала от интриг, которыми я была окружена. Обращение ее со мной было дружески-ласковое и внушающее почтение. Как нежная и снисходительная мать, она поощряла меня в развитии моих способностей, выставляла мое чистосердечие и ту долю природного ума, которым наградила меня природа, помогая мне и поддерживая меня в весьма трудном моем положении. Со времени моего замужества ей старались представить подозрительными мои сношения со

---

¹⁵ Из смолянок первого выпуска ко двору были взяты пять человек: Г.И. Алымова-Ржевская, Е.И. Молчанова (1758–1809), А.П. Левшина (1757–1782), Н.С. Борщова (1758–1843) и Е.И. Нелидова (1758–1839). В 1772–1776 гг. Д.Г. Левицкий выполнил для Екатерины II их портреты (ныне в Русском музее).

двором великой княгини, но она не обращала на это внимания и при всяком удобном случае выражала мне свое благоволение. Вообще, трудно перечислить, сколько я ей обязана. Всею моею любовью и почтением не могу я заплатить за ее благодеяния.

Хочу рассказать одно обстоятельство, случившееся задолго до всего рассказанного; оно доказывает, что нельзя миновать своей участи.

Еще в бытность мою в Смольном Наталья Алексеевна, первая супруга великого князя, очень полюбила меня и всячески доказывала мне свою дружбу. По два и по три раза в неделю приезжала она в монастырь и проводила со мной по несколько часов. Мы разговаривали и занимались музыкой. Она обещала взять меня к себе по окончании курса в качестве друга, выпросив согласие у императрицы. Когда я была нездорова, она навещала меня. В последнее время своей беременности, будучи не в состоянии приехать в монастырь, она прислала ко мне графа Разумовского¹⁶, которому поручила передать все цветы и конфеты в доказательство, что она не забывает обо мне. Незадолго перед смертью, лежа в постели, она написала мне записку и прислала записку с графом Разумовским по случаю раздачи наград перед нашим выпуском из Смольного¹⁷. К несчастью, я затеряла эту

---

¹⁶ Разумовский Андрей Кириллович (1752–1836) – граф, известный дипломат, фаворит великой княгини Натальи Алексеевны.

¹⁷ 15 апреля 1776 г. великая княгиня Наталья Алексеевна умерла от родов, по-

записку, но у меня хранится письмо ее, писанное из Москвы и переданное мне братом ее принцем Дармштадтским¹⁸. Мне более не суждено было увидеть ее, но место, которое она мне назначила, заняла я при той, которая заменила ее. Великий князь, обожавший ее, разделял ее предпочтение ко мне. С этой поры началось расположение его ко мне, бывшее причиной стольких неприятностей. Она была очень умна, любезна, приятна, вот все, что я могу сказать о ней. Я любила ее, жалела о ней и искренно оплакивала ее кончину.

Вскоре великий князь уехал в Берлин, чтобы увидеть принцессу, которую ему назначили в супруги (речь идет о принцессе Софии-Доротее-Августе Виртембергской (1759–1828), в православном крещении Марии Федоровне, второй жене (с сентября 1776 г.) великого князя Павла Петровича. – *Прим. ред.*). Получив ее согласие, поспешили послать к ней навстречу лиц, назначенных для ее придворного штата, в числе которых была я. Мы встретились с великим князем за Митавою. Это было мое первое свидание с ним после его горестной потери. Я не могла удержать слез; он был тронут, хвалил мне свою невесту, был любезен и уехал. В Мемеле представили нас будущей великой княгине. Меня порази-

---

этому торжества первого выпуска в Смольном были значительно скромнее, чем первоначально предполагалось. Их перенесли с 21 апреля на 30-е, и императрица Екатерина II на празднике не присутствовала (см.: Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. СПб., 1914. Т. 1. С. 174).

¹⁸ Брат Натальи Алексеевны – принц Людвиг Гессен-Дармштадтский (1753–1830).

ли ее красота, молодость и простота в обращении. Когда дошла до меня очередь, она, с улыбкой обращаясь ко мне, сказала, что великий князь особенно хвалил меня. Всю дорогу она оказывала мне предпочтение; как казалось, она была предубеждена против супруги фельдмаршала Румянцева¹⁹ и почти не обращала на нее внимания. По приезде в Петербург и до самой свадьбы происходили представления ко двору, давались праздники, балы, и мне почти не приходилось видеть великую княгиню наедине. Это было самое приятное время в моей придворной жизни. Впоследствии меня назначили компаньонкой к великой княгине: я должна была читать ей вслух, присутствовать при уроках, которые она брала, сопровождать ее всюду, ко двору императрицы, в концерты, на балы, в собрания, в церковь, на прогулки и т. д. У меня не было свободной минуты. Я отдыхала только во время своего туалета или в те дни, когда под предлогом нездоровья обедала у себя в комнате или оставалась дома, чтобы только избавиться от докучливых выездов.

Одно время великая княгиня была расположена ко мне, но это продолжалось недолго. Она постепенно стала охладевать, стала сдержанна, потом начала холодно обращаться со мной. К великому удивлению моему, я узнала, что ревность была причиной этой перемены. Мне твердили это со всех

---

¹⁹ Румянцева Екатерина Михайловна (урожд. княжна Голицына; 1724–1779) – графиня, статс-дама, гофмейстерина двора великого князя Павла; жена генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского.

сторон. Но я знала, что не за что было упрекнуть меня, что, напротив, любезность моя доходила до того, что я жертвовала свободными минутами, стесняя себя, и потому нетерпеливо выносила нападки великой княгини. Когда же мне объяснили, в чем дело, неудовольствие мое сменилось состраданием; я стала к ней еще внимательнее и разуверила ее на мой счет, но к мужу она оставалась по-прежнему недоверчивою, передавала мне свои горести, сомнения, и мне редко удавалось успокоить ее. Сначала она необдуманно поддалась обидным для меня подозрениям, жаловалась первому встречному и обращала общее внимание на мое поведение, которое объясняла по-своему. Но все это послужило в мою пользу, выказав мою невинность... Видно, что она мало заслуживала мою любовь, но по свойственной мне чувствительности я извиняла ее заблуждения и оказывала ей более уважения и признательности, нежели мужу ее, которого я имела основание любить и уважать. Всегда любезный и почтительный, он старался самою нежною внимательностию вознаградить меня за неприятности, которые мне приходилось переносить из-за него. Чтобы не подтвердить ложных слухов, он не изменял своего обращения со мною. На него обижались, а он в присутствии жены и всех вообще только мною и занимался и был любезен донельзя. Когда я его предостерегала, он отвечал, что ему надоели все сплетни, что он знать их не хочет, и по-прежнему был ко мне внимателен. Это продолжалось до моего замужества. Я надеялась,

что свадьба моя положит конец этому ухаживанию. Ничуть не бывало: оно еще усилилось. Великая княгиня присоединилась к мужу; оба упрашивали меня принять участие во всех их удовольствиях. Между нами завязалась дружба, продолжавшаяся десять лет. Мне нужно было съездить в Москву. Во время моего отсутствия великий князь привязался к Нелидовой²⁰. Но прежде чем говорить об этом, посмотрим, что могло быть для меня привлекательного в дружбе, отнимавшей у меня время, которое я могла бы проводить в семейном кругу, и имевшей в глазах света вид необыкновенной милости. Великий князь искренно любил меня и старался быть полезным всем моим близким. Доверие его было безгранично, равно и постоянство в дружбе. Он смотрел на

---

²⁰ Нелидова Екатерина Ивановна (1758–1839) – смолянка первого выпуска, была награждена малой золотой медалью и шифром и взята фрейлиной к великой княгине Наталье Алексеевне. Затем стала фрейлиной Марии Федоровны. Фаворитка Павла I в 1785–1798 гг. Последние годы жизни провела в стенах Смольного института, где занимала неофициальное положение дамы-патронессы. Как вспоминала смолянка В.И. Анненкова, «личность эта страстно интриговала воспитанниц своею таинственной загадочностью и почетом, которым окружали ее институтское начальство и вся царская фамилия. Словно теперь вижу я, как крадется вдоль стен во время наших экзаменов странное маленькое существо в сером платье, пробираясь к месту позади начальницы, и как нам было жутко, когда она останавливала на которой-нибудь из нас пристальный взгляд своих больших серьезных черных глаз. <...> Все были почему-то убеждены, что она ужасно горда, считает себя выше всех и, никого к себе не приближая, никого ни о чем не расспрашивая, все знает, и что от ее пронизательности ничто не может укрыться» (Люди былого времени. Из рассказов В.И. Анненковой и др. старожилов // Рус. архив. 1906. № 1. С. 111–112). О Е.И. Нелидовой см.: Шумигорский Е.С. Е.И. Нелидова. СПб., 1898.

нас с мужем как на своих верных друзей. Сознывая, что мы жертвовали своими выгодами ради его, он был вполне благодарен.

Великая княгиня старалась превзойти мужа в любезности к нам, но, так как она действовала неискренно, у не выходили противоречия на каждом шагу. Ревность в ней боролась с уважением, которого я заслуживала. Своим обхождением она даже теряла право на благодарность с моей стороны... На то, что Их Высочества езжали к нам, смотрели недоброжелательно. Живя весьма скромно, мы не могли доставить им ни малейшего развлечения. Имея возможность постоянно видеть нас у себя, они непременно хотели бывать у нас в доме: приезжали то завтракать, то обедать. Все это возбуждало толки. Дружба наша была самого невинного свойства. Между тем милость эта обходилась мне весьма дорого, причиняя мне много неприятностей. До сих пор великая княгиня действовала лишь из подражания мужу. Но великий князь не упускал случая доказать нам свое уважение. Не любя шумных удовольствий, он искал общества близких ему людей и в беседе с ними был откровенен и доверчив. Я замечала в нем лишь хорошие свойства: чистоту намерений, прямоту, благородство души, великодушие, весьма приятный ум и особенную способность убеждать людей. Когда он хотел нравиться, нельзя было противиться его обаянию. Его некрасивая наружность и резкие манеры в обществе становились неприятными в дружеском кругу. В эту пору он был хорошим му-

жем, сыном и отцом. Необходимо было окружать его честными людьми; он легко поддавался влиянию лиц, искавших его доверия, и следовал их советам. Будучи доверчив по природе, он стал подозрительным вследствие обманов, которым подвергался. Что касается до меня, я всегда говорила ему правду. Он так привык верить мне, что, даже когда был мной недоволен, не переставал оказывать мне уважение. Не хвастаясь, могу сказать, что я удерживала его в пределах долга в отношении к его супруге, восхваляя ее достоинства. Не так действовала Нелидова, когда она попала в милость.

По возвращении моем из Москвы, где я провела два года, я нашла большие перемены в образе жизни Их Императорских Высочеств. Они принимали только особ, составляющих их придворный штат. Великая княгиня тотчас приехала ко мне, но одна. Великого князя я встретила на бале; он обрадовался моему возвращению, упрекал за то, что я по-прежнему не навещаю их, был любезен во весь вечер и только со мною танцевал. Он говорил мне о своих домашних неприятностях, причиной которых была г-жа Бенкендорф²¹, любимица его жены. Великая княгиня и ее наперсницы пришли в негодование и всячески старались выказать свое неудовольствие. Г-жа Бенкендорф начала осуждать мой наряд, который находила слишком небрежным. Я объясняла ей, что я

---

²¹ Бенкендорф Анна Юлиана (урожд. баронесса Шиллинг фон Канштадт; 1758–1797) – подруга детства великой княгини Марии Федоровны, вместе с которой приехала в Россию. Мать графа А.Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и начальника III отделения в 1826–1844 гг.

только что с дороги, что вещи мои еще не получены и потому я всячески отговаривалась от бала. Она отошла, надувшись, и мне самой было неловко. Великий князь издали наблюдал за нами; лишь только она ушла, он подошел ко мне, пригласил меня на польский и настойчиво добивался узнать причину моего недовольствия. Я сказала, что мне неловко быть в шляпе, когда все в нарядных чепцах, и хотела удалиться; но он не пустил меня, говоря, что я прекрасно одета, и что все завидуют моей красоте, в простом наряде в английском вкусе. Во весь вечер он не отходил от меня и прислуживал мне за ужином. С великою княгиней мне не было времени поздороваться. А великий князь приглашал одну меня, давая понять, что без меня не явится на праздник. Когда я ему заметила, что оказываемое мне предпочтение могут истолковать в дурную сторону, увеселения вдруг прекратились, и Их Императорские Высочества начали жить уединенно. До меня дошли слухи о частых размолвках, происходивших в их домашней жизни. Причиной этого была г-жа Нелидова, овладевшая умом великого князя. Весьма умная, она была отвратительно нехороша собою. Великий князь прежде не мог ее терпеть, считал ее страшно злою, и мне не раз приходилось защищать ее. Живя вдалеке от Двора, я не хотела верить этим сплетням. Мой заклятый враг г-жа Бенкендорф (у которой я не бывала, и которая не ездила ко мне) подтвердила мне верность всего слышанного мной. Она явилась ко мне с поручением передать мне обо всем, завербовать меня

в приверженницы великой княгини и заставить противодействовать ее врагам. Я неспособна была к интригам и со свойственной мне прямою искренно пожалела о великой княгине, обещая быть ей преданнее, чем когда-либо. Любя великого князя, я сначала не хотела мешаться в это дело. Однако я поговорила откровенно с г-жой Нелидовой, высказав ей свой образ мыслей. Она нисколько не рассердилась на меня, а великий князь, с которым я встречалась лишь в обществе, продолжал оказывать мне величайшее внимание. Великая княгиня начала хвалить меня, сравнивая мое поведение с поведением Нелидовой. Восхваляя мою добродетель, она думала заслужить расположение мужа, но этим лишь восстановила его против себя, окончательно повредив мне без моего ведома. Во время моих последних родов она у меня назначала свидания г-же Бенкендорф, которую великий князь выслал из города, о чем я и не знала. Это дошло до сведения великого князя, и с этих пор он не переставал сердиться на меня. Однако, сделавшись императором, он не мстил мне, а ограничился лишь тем, что более не оказывал мне милости; но при всяком удобном случае выражал свое выгодное мнение о моем характере и изъявлял свое уважение ко мне. Со времени вступления его на престол мы стали реже видаться. Супруга его сделала фрейлиною дочь мою (дочь Ржевской – Мария Алексеевна, в замужестве Свистунова (? – 1866). – *Прим. ред.*) и пожаловала мне малый орден Св. Екатерины²².

---

²² Знаком ордена Св. Екатерины был белый эмалевый медальон с изображе-

В обществе она отличала меня, в частной же жизни стала неприступною; а я, с своей стороны, не заискивала ее расположения.

Не желая уронить своего достоинства, я держалась в стороне. Возвращаясь с аудиенции, я встретила знаменитого Кутайсова²³. Он радостно схватил мои руки, говоря: «Я надеюсь, что мы заживем по-прежнему». – «Как бы не так», – думала я про себя.

Так произошло наше первое свидание. Но надо отдать справедливость великой княгине. Сделавшись императрицею, она не только оказывала мне свое расположение, но и ходатайствовала перед супругом своим за мужа моего и за детей. Видно было ее желание вознаградить меня за все, что приходилось мне терпеть до той поры. Несмотря на это, она полагала нужным для сохранения достоинства своего высокого сана принимать меня стоя. Во все царствование она одинакова была в отношении ко мне. Но сама она не была счастлива. Каждый раз, когда она выражала мне свое расположение, император сердился. А когда он занимался мною, и императрица хотела принять участие в нашей беседе, он

нием Св. Екатерины, в крестообразной оправе из бриллиантов. Орден носился на красной ленте с серебряной каймой. Он имел две степени: малый и большой крест. Малый крест носили на левой стороне груди на банте из орденской ленты с вышитым девизом «За любовь и отечество». Число кавалерственных дам малого креста не могло быть более 94, большого – более 12.

²³ Кутайсов Иван Павлович (1759–1834) – граф (с 1799 г.), любимец Павла I. Егермейстер (1798–1800), обер-шталмейстер (1800–1801).

поворачивался и уходил.

Несмотря на недоброжелательство и козни завистников, обращение его со мною было иное, чем с другими. Все замечали, что он расположен был возвратить мне прежнюю милость, но я не желала этого и нехотя являлась ко двору, сопровождая дочь мою. После же ее замужества я перестала бывать при дворе.

По случаю этой свадьбы император был очень в духе, желал присутствовать при одевании невесты и велел сделать роскошные приготовления. Свадьба должна была происходить в Павловске. Фавориты императора, Кутайсов и княгиня Гагарина²⁴, были недовольны всем этим. Чтобы досадить мне, Кутайсов, бывший в должности обер-шталмейстера, замедлил прислать к нам в Царское Село придворные экипажи. Зная, что император терпеть не может, чтобы опаздывали, мы сели в свои кареты и отправились, найдя придворные экипажи около дворца. Мы прибыли ко двору двумя часами позднее назначенного времени и нашли всех в тревоге. Императрица, будучи в отчаянии, всячески старалась скрыть от меня причину тревоги, а между тем все бегали, шептались, и туалет невесты не подвигался. Деликатность Императрицы в этом случае не изгладится из моей памяти. Дело было в том, что император приказал отрешить от должности

---

²⁴ Гагарина Анна Петровна (урожд. княжна Лопухина; 1777–1805) – княгиня, фаворитка Павла I с 1798 г.

моего мужа, жениха и его отца²⁵. Тщетно старались умиловать разгневанного императора. Ни император, ни императрица не присутствовали на свадьбе, и был отдан строгий приказ, чтобы никто не смел на ней присутствовать, кроме необходимых свидетелей. По прибытии в церковь не начинали службы, надеясь, что удастся укротить гнев императора. Я не ведала причины всей этой суматохи, думала лишь о решившейся участи моей дочери, молилась о ее счастье и ждала вместе с другими прибытия Их Величеств. Наконец вбежал запыхавшийся Нарышкин и объявил, что Их Императорские Величества не будут. Я, как бы проснувшись при этом известии, обратилась к нему, спрашивая, что все это значит. Он отвечал, что ему очень прискорбно, но что государь ужасно рассержен. Я сказала ему, что так как он отчасти виноват в этом, то должен немедленно объявить Императору о нашей невиновности. Потом я в первый раз в жизни заговорила с княгиней Гагариной, настойчиво требуя, чтобы она отправилась к императору и объявила ему, что я не выйду из церкви, если не будет им признана наша невиновность, что все это вредит репутации моей дочери, и что, наконец, сама я заслуживаю более уважения; словом, я высказала ей все,

---

²⁵ Жених – камергер Николай Петрович Свистунов (1770–1815), его отец – сенатор Петр Семенович. По словам Бартенева, оба они «были любимцами императора Павла. Н.П. Свистунов долго не мог примириться с воцарением Александра, тотчас вышел в отставку и лишь в 1812 г., по настоянию своего приятеля С.К. Вязмитинова, поступил директором департамента в Министерство полиции».

что было у меня на душе. Напрасно уверяла она меня, что не имеет свободного доступа к императору. На это я сказала ей, что в подобных только случаях свободный доступ ее к царю может принести ей честь, и что я знаю, что император всегда охотно выслушает истину. Наконец она решилась написать государю из церкви карандашом на клочке бумаги. Записку тотчас отправили; венчание не кончилось, когда прибыл Кутайсов, умоляя меня во имя Бога не выражать своего недовольствия перед императором, который успокоился и приглашает меня со всем семейством к себе в кабинет: такой милости он никому доселе не оказывал. Он обошелся с нами как нельзя лучше, осыпал нас любезностями, и все мы остались весьма довольны его приемом.

Мария Алексеевна Свистунова, урожденная Ржевская

(1778—1866) – фрейлина; дочь писателя А. А. Ржевского; мать декабриста П. Н. Свистунова

После этого происшествия я прекратила всякое сношение со двором. Там становилось небезопасно. До меня доходили слухи о бурях, происходивших при дворе, где громовые удары сыпались без различия на больших и на малых. Отдаление мое от двора не оградило меня от опалы. Муж мой со многими другими сенаторами, столь же пожилыми и честными, как он, без всякой вины отрешен был от должности²⁶. Но ему назначили пенсioen за пятидесятилетнюю службу.

С шестнадцатилетним сыном моим Павлом²⁷ поступили недостойным образом. Прямо из маскарада его повезли в крепость, где он провел ночь в сыром и душном каземате из-за того только, что он в польском осмелился подойти близко к императору. Впрочем, не стану пересказывать дело в подробностях, потому что император старался вполне заглядеть этот поступок, как бы извиняясь в нем перед моим мужем. Он не знал сына моего и весьма сожалел об огорчении, которое причинил нам. Через четыре недели государя не стало. Последний раз я его видела за год до кончины.

Таким образом, зло, которое мне делал Павел I, всегда

---

²⁶ А.А. Ржевский был отрешен от должности 4 сентября 1800 г.

²⁷ Ржевский Павел Алексеевич (1784—1852) – в 1802 г. поручик лейб-гвардии Семеновского полка, в 1805 г. ротмистр, с 1807 г. в лейб-гвардии Гусарском полку; позднее камергер, действительный статский советник.

было необдуманно. Снисходительность его ко мне считаю за особую милость, потому что он никого не щадил. Но между тем ни один государь не может сравниться с ним в расточительности касательно наград. Он обогащал, а подчас и возводил в важные должности лиц, не имевших ни заслуг, ни особенных достоинств, являвшихся неизвестно откуда. При восшествии на престол он во все стороны раздавал громадные состояния, и не знаю, почему он обделил мою семью. Я имела немало прав на его милость. Это все сознавали, даже обогащенные им лица осуждали его несправедливость ко мне. Я никогда не искала его милостей, не желала их и не сокрушалась, будучи лишена их. Князь Безбородко²⁸ поместил мое имя в списке лиц, представленных к награде. Император вычеркнул его, и мне передали слова, сказанные им по этому поводу: «Она чересчур горда». Он заслуживает упрек с моей стороны. Император не обязан оказывать милости подданным, но должен быть к ним справедливым. А он был несправедлив по отношению к моему мужу в одном процессе с казною. Тяжба была давно окончена в нашу пользу, оставалось вознаградить нас за понесенный ущерб. Мы очень нуждались в вознаграждении, так как состояние наше было незначительно; кроме того, мы имели долги. Государь не хотел отвечать на многократные просьбы наши. Это был единственный случай, в котором я была огорчена его пове-

---

²⁸ Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) – князь, действительный тайный советник; государственный канцлер с 1797 г.

дением, потому что мужу моему это было очень прискорбно. Вообще же я никогда не разбирала причин его поступков.

Мне было легче, чем кому-либо узнать двор, если б я желала изучить его. Но я говорила, что моим единственным желанием было избавиться от придворной жизни. Я пользовалась малейшим неудовольствием, чтобы удалиться, но меня постоянно вызывали обратно. Невольно сравнивала я свое положение с положением придворных вообще, которые, имея титулы, богатство, знатность, льнут ко двору, подвергая себя унижениям, лишь бы добиться снисходительного взгляда монарха. Но меня удивляло, что моему положению при дворе приписывали какую-то прочность. Не будучи тщеславна, я оставалась чужда и радостям, и беспокойствам. Я как бы поставлена была выше всех почестей, пользуясь непрочным титулом друга. При дворе дружба – своего рода должность, требующая постоянного подчинения. Считая вас вполне вознагражденными отличием, которого вас удостоивают, вам отказывают в услугах, даже когда вы крайне в них нуждаетесь. Мне вменялось в обязанность быть всегда любезною. Оно нетрудно, когда все расположены признавать вас любезною: при дворе тех, кто пользуется милостию, восхваляют не по заслугам. Положение мое, заслуживая мне уважение и внимание, не приносило никаких существенных выгод, и потому у меня не было и завистников. Но мне в тягость было придворное рабство при любви моей к домашней жизни, и я более делала усилий, чтобы выйти из моего по-

ложения, нежели сколько было нужно для сохранения его, о чем я не заботилась. Всякий раз, возвращаясь домой из дворца, я забывала обо всем, там происходившем, и лишь жалела о потерянном времени. Я оставалась всегда покойна. На поприще, где всякий подвигается ощупью, я с беспечно-стью отдавалась на волю судьбы. Среди развращения я сохранила чистоту нрава и всегда действовала прямо, никого не вооружая против себя. Все это истинная правда.

Перечисляя вкратце все происшествя царствования императора Павла, относящиеся ко мне лично, сделаю несколько общих замечаний, дающих повод к размышлениям. Во-первых, история г-жи Нелидовой потребовала бы целые томы, если бы описать ее подробно. Так как она происходила в моем отсутствии, расскажу лишь ее важные черты. Павел сблизился с Нелидовой, еще будучи великим князем, что было причиной изменений в домашней жизни его, не свидетельствующих в пользу Нелидовой. Произошла размолвка между супругами. Их явные ссоры повлияли на множество лиц как придворных, так и не принадлежащих ко двору. Могу основательно говорить обо всем происходившем в эту пору, будучи единственной поверенной великой княгини во время нерасположения к ней супруга ее, так как из всех ее друзей я одна отваживалась навещать ее по-прежнему, не подвергаясь личным оскорблениям, подобно другим ее друзьям. Зато при возвращении монаршей милости одну меня лишили вознаграждения за незаслуженную опалу.

При восшествии на престол императора Павла все милости оказывались через посредничество Нелидовой. Я обращалась к ней с просьбой за двух сестер моих, которым она оказала большие услуги, за что я ей благодарна. Вообще же она ко мне не благоволила. Но что казалось странным для всех, это расположение императрицы к Нелидовой. Она доставляла ей все почести и отличия, зависящие исключительно от благоволения императрицы; это можно было приписать воле императора, но необъяснимо было то, что она сделала ее своим другом и защищала во время немилости, которой она вскоре подверглась, а по смерти государя она стала с ней неразлучна.

Упомяну о низости людской, от которой мне пришлось пострадать по смерти императрицы Екатерины.

Первой милостию Императора Павла при вступлении его на престол было пожалование во фрейлины дочери моей, из чего все заключили, что мне придется играть важную роль при дворе, вследствие чего в течение нескольких дней ко мне нахлынуло множество друзей, принимавших участие в моей судьбе. Будучи опытна, я не стала разделять их надежд. К счастью, я вскоре от них избавилась. Впоследствии я узнавала, не выходя из дому, кто в милости при дворе, и кто нет. Те, кому не везло, постоянно вертелись у меня в доме; чуть лишь судьба им улыбалась, они переставали ездить ко мне. Из этого я заключила, что меня не жалуют при дворе. О суете сует, до чего ты доводишь людей!

Я еще не упоминала о нашем юном императоре Александре I. Посвящаю ему особую главу в моих воспоминаниях в знак моей признательности.

Он вырос на моих глазах и в детстве играл вместе с моими детьми. Во время отрочества его обстоятельства отвлекли меня от двора, и нам не суждено было сблизиться.

Когда вследствие изменений при дворе великого князя я стала реже посещать его, я видела великого князя Александра лишь вскользь. При жизни императрицы Екатерины мне не приходилось иметь сношений с молодым великим князем, и я не думала в ту пору, что впоследствии он будет иметь влияние на мою участь.

Моему излюбленному, достойному и добродетельному старшему сыну Александру²⁹ пришлось поступить в Семёновский полк в ту пору, когда великий князь был назначен его шефом. Расположение в[еликого] князя к моему сыну отозвалось во всем семействе нашем. Он отличил его, удостоил своей дружбы, доверия, уважения и начал оказывать мне самое лестное внимание как матери своего любимца. Мы оба, сын мой и я, были от него в восторге.

Встречаясь со мной, он постоянно говорил мне об Александре, не мог нахвалиться им. Слова его радовали меня более, чем некогда дружба его августейших родителей. Он

---

²⁹ Ржевский Александр Алексеевич (1781–1807) – офицер лейб-гвардии Семёновского полка с 1796 г. В 1802 г. флигель-адъютант, в 1806 г. полковник. Погиб в сражении. Был женат на Варваре Александровне Римской-Корсаковой (1784–1813).

окончательно очаровал меня своим поведением во время несчастья, случившегося с моим вторым сыном. Оно предсказывало, что подданные найдут в нем нежного отца. Сочувствие к нашим страданиям служило залогом для счастья наших детей в будущем. Из тысячи случаев приведу один, ко мне относящийся и свидетельствующий о добром его сердце. Угадав нашу горесть при арестовании сына моего Павла и не осмеливаясь открыто действовать, он дождался времени, когда император заснул и отправил к нам в первом часу ночи князя Петра Михайловича Волконского³⁰ и г-на Федора Петровича Уварова³¹

---

³⁰ Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – князь, адъютант великого князя Александра (с 1797 г.); генерал-квартирмейстер (1810), генерал-фельдмаршал (1843); начальник Главного штаба армии (1812–1823); министр двора и уделов (с 1826 г.).

³¹ Уваров Федор Петрович (1769–1824) – генерал-адъютант (1794), генерал-майор (1799), генерал от кавалерии (1814); входил в ближайшее окружение Александра I.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.